DOI 10.15826/izv1.2021.27.2.039
УДК 747(470.311)“16” + 902.4

С. И. Баранова

ИНТЕРЬЕРЫ МОСКОВСКИХ ДВОРЦОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.: ОПЫТ ИНВЕНТАРИЗАЦИИ*

Статья посвящена изучению интерьеров дворцов XVII в. В России не сохранилось ни одного подлинного дворцового интерьера этого времени, поэтому анализируются описи дворцов, в том числе деревянного дворца 1667–1767 гг. в Коломенском. Цель работы — проверить возможность визуализации утраченных интерьеров на основе детального перекрестного изучения текстов документов (опубликованных и неопубликованных), изображений и подлинных предметов, представленных археологическими находками и вещами из музейных собраний. Ранее попытки подобных реконструкций предпринимались и были по-своему удачными, но исследователи ограничивались исключительно теми сведениями, которые предоставляли сами письменные источники (в статье приводится разбор таких попыток). В общем виде привлечение сохранившихся вещей и редких изображений в качестве аналогов для насыщения предметами интерьеров XVII–XVIII вв. опробовано еще в 2010-х гг. при натурном восстановлении интерьеров копии дворца в Коломенском. Такой эксперимент сам по себе требует осмысления и научного обоснования, представляя задачу источниковедческого характера. Путь к ее решению — оценка самой возможности создания полных инвентарных описей современного типа для дворцовых интерьеров XVII — начала XVIII в.

Ключевые слова: дворцовые описи; интерьер; дворец в Коломенском; реконструкция; археология; изразцовые печи; мебель

> Искусство интерьера в архитектуре — самое хрупкое из всего созданного человеком. Когда его перестают понимать, его разрушают, и оно исчезает. То немногое, что еще уцелело, должно быть сохранено и оценено по достоинству.
>
> *Л. В. Тыдман*

Для современного ученого, археолога или музейного хранителя, составление описи предполагает включение в нее не только описания основных характеристик предмета, но и его изображения. Простейший и всеобъемлющий пример — Государственный каталог Музейного фонда РФ, основанный на таком подходе. Однако подобная практика возникла совсем недавно. В XVII, XVIII вв., а зачастую и в XIX в., составляя самые различные описи вещей, почти никогда не предусматривали их изображений. В поздний период при публикации их могли

* Работа осуществлена при поддержке гранта РФФИ, проект № РФФИ 20-09-42021.

БАРАНОВА Светлана Измайловна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник факультета истории искусства Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва (e-mail: svetlanbaranova@yandex.ru). ORCID: 0000-0001-9393-1151

© Баранова С. И., 2021

воспроизводить выборочно, как, например, один из первых музейных каталогов иллюстрированной фототипиями «Описи Московской Оружейной палаты» [Опись Московской Оружейной палаты], но в XVII–XVIII вв. иллюстраций в описях не было вовсе. При этом, поскольку некоторые из документов достаточно подробны, их визуализация могла бы существенно продвинуть наши представления о предметном мире дворцовых интерьеров, показать его с бытовой, социальной и художественной точек зрения. Особенно это важно для XVII — начала XVIII в. в России, где из-за неразвитости жанровой живописи (натюрморт, интерьеры) ассортимент изображенных вещей чрезвычайно скуден.

Отчасти с этим обстоятельством следует смириться. Правда, некоторого продвижения в сторону фундированной реконструкции оказалось возможным достичь путем внутренней критики такого исторического источника, как опись, что доказали работы наших предшественников. Никто из них, однако, не попытался сделать следующий шаг и проделать за составителем описей XVII в. ту часть работы, которую выполняет сегодня любой музейный хранитель или археолог. То есть соотнести строку «инвентаря» с изображением предмета, создав на основе описи каталог современного типа. Это, конечно, эксперимент, ведь описываемой ситуации в реальности давно не существует, и реконструктивные описи не будут обладать абсолютной полнотой и точностью в части изображений, но все же смогут продвинуть нас в понимании предметного мира, бытовых и культурных особенностей среды и помогут в их эмоциональном восприятии. Более того, допустимо думать, что прецизионность, принятая в современных инвентарях (точность измерений, указания на тип, оценка сохранности и т. п.), в данном случае и не особенно нужна: ведь описания у наших предков не отличались подробностями. Настолько, что обращение к одному только тексту способно породить забавные ошибки даже у опытных исследователей, таких как Ричард Хелли, принявший стенные плитки за обогревательные приборы [Хелли, с. 243].

До наших дней в Москве не сохранилось ни одного подлинного интерьера дворцов XVII в. Между тем хорошо известно его значение для оценки того культурного пространства, возникновение которого связано с жизнью, бытом, традициями, новациями, вкусами его владельцев, оказавшими влияние на дальнейшее развитие русской культуры. Обращение к описям дворцов первых Романовых и близкого им круга стало главным подходом в изучении интерьера в рамках создания интерьерной экспозиции в копии Коломенского дворца, созданной к 2010 г.

Первым оценил потенциал дворцовых описей историк и археолог Иван Егорович Забелин. В его капитальных трудах «Домашний быт русских царей в XVI–XVII веках» (1862) и «Домашний быт русских цариц в XVI–XVII веках» (1869, 2-е изд. — 1872) использовались описи Коломенского и Измайловского дворцов, опись хором князя В. В. Голицына и другие источники. Материалы по дворцам и Патриаршим палатам Московского Кремля также публиковались И. Е. Забелиным. Эта группа источников использовалась избирательно, например, представленная частично опись «Росписного списка дворца села Коломенского» 1742 г. (РГАДА. Ф. 1239, Оп. 1. Д. 486. Л. 8–42 об.). Забелин был убежден, что эта опись

являлась поздней копией, не дошедшей до нас «Описи в Коломенском дворце государевых хором и прочему строению 1677 года»[1].

Не опубликованными полностью оказались описи Ивана Федоровича Мичурина (1703/1704 — после 1763), выдающегося зодчего, среди которых «Доношение архитектора Ивана Мичурина в Главную дворцовую канцелярию об осмотре дворца в Коломенском с описанием “ветхостей”, сметами расходов строительных материалов и ценами на них» от 25 мая 1740 г. (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 31818. Л. 58–69 об., копия на л. 71–89 об.). Опись, выполненная одним из первых русских архитекторов-реставраторов, содержит множество бесценных сведений о многочисленных помещениях дворца, его окнах, печах, и т. п. [Баранова, 2018]. Единственным опытом полного обзора описей, в которых отражено состояние царской резиденции в Коломенском, остается посвященная истории дворца диссертация Д.-М. И. Ачаркана «Дворцовое село Коломенское: история его памятников зодчества по архивным данным», написанная в 1918 г. (МГОМЗ. А–1596. К–13404). В ней приводятся тексты известных описей дворца.

Дворцовые описи стали одними из главных источников в изучении интерьеров, благодаря им можно судить об особенностях позднесредневекового быта высшего сословия. Для полноты картины в рамках поставленной задачи вслед за И. Е. Забелиным были проанализированы не только описи царского дворца в Коломенском времени его существования, в том числе и описи архитектора И. Ф. Мичурина, но и описи, современные дворцу или ненамного отстоящие по времени, т. е. материалы по царскому дворцу в Измайлове (Опись дворца и хозяйственных заведений в селе Измайлове 1687 г. // МГОМЗ. А-1062. УП-1253. Л. 1–12 об.) [Топычканов]; дворцам и Патриаршим палатам в Московском Кремле [Материалы для истории, археологии и статистики московских церквей...]; «Розыскные дела о Федоре Шакловитом» [Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках], в которых описано убранство палат (дворца) В. В. Голицына. Также были привлечены новые сведения об интерьерах дворцов и дворцовых помещений XVII в., выявленные современными исследователями Т. Н. Смирновой [Смирнова, с. 57–66], Е. А. Мараловым [Маралов, с. 150–158] и др.

Практика составления интерьерных (дворцовых, служебных помещений) описей имеет давнюю историю. В XVII–XIX вв. и даже XX в. они составлялись по разным поводам, в том числе с целью выявления «ветхостей» для предполагаемых ремонтов и никогда не предусматривали изображений. Некоторые из этих

[1] И. Е. Забелин писал: «К сожалению, мы не имеем описи Коломенских хором, современной их устройству при царях Алексее и Федоре. Знаем только, что в приказной Коломенской избе еще в половине XVIII ст. хранилась “опись в Коломенском дворце государевым хоромам и прочему строению, на 46 листах, 7185 (1677) года”, именно того времени, в которое дворец сохранял еще устройство, какое ему дано было его строителем, царем Алексеем. Эта опись, без сомнения, послужила образцом или даже оригиналом для последующих описей, или так называемых “росписных списков”, по которым прикащики или управители официально сдавали друг другу коломенское хозяйство, все здания и разного рода вещи, находившиеся у них в хранении. Такие росписные списки или инвентари составлялись обыкновенно по случаю каждой управительской сдачи казенного хозяйства и имущества и, само собой разумеется, почти всегда должны были представлять более или менее точную копию первоначальных описей, особенно в отношении недвижимостей, как, например, казенных зданий, состояние которых редко подвергалось значительным переменам» [Забелин, с. 476–477].

описей достаточно подробны, их «материализация» смогла бы существенно продвинуть наши представления о богатстве интерьеров ушедших и сохранившихся дворцов, увидеть их убранство с бытовой, художественной, социальной точки зрения, раскрыть атрибутивные характеристики вещей переходного периода.

Особенно это важно для XVII в., где из-за отсутствия жанровой живописи запас изображений, позволяющих судить об убранстве дворцов, чрезвычайно скуден[2]. Эта скудность заставляет привлекать другие иконографические источники, например, иконопись и миниатюры для поисков деталей интерьера, на которые, однако, не всегда можно опираться со всей уверенностью. Конечно, в круг источников не включается материал русской исторической живописи XIX в., но он позволяет оценить уровень представлений о национальном быте и культуре [Баранова, 2008].

Отчасти делу помогают археологические находки. М. Г. Рабинович полагал даже, что для оценки убранства интерьеров этого периода «в распоряжении исследователя имеется вполне достаточное количество реалий, хранящихся в наших музеях» [Рабинович, с. 42], дополняемых обилием письменных сведений (хотя изображений и остатков подлинных строений сохранилось немного). В этом случае, скорее, речь идет о бытовых изделиях XVII в., которых немало и в раскопках, и в музеях. В этом смысле XVII в. — это время выработки понимания комфорта, тяги и привычки к нему. Материально (вещественно) страна начала жить гораздо богаче, что и определяет насыщенность и толщину даже культурных отложений, в том числе и в Коломенском [Беляев; Беляев, Баранова].

Увидеть все это можно не столько через интерпретацию описи как исторического источника, но и путем «визуализации» текстов, сопоставления доступных нам реальных элементов убранства. Немногие попытались проделать за составителем описей XVII в. ту часть работы, которую выполняют сегодня музейный хранитель и археолог — соотнести строку инвентаря с реальным предметом (опыты такого рода известны в трудах сотрудников ГИМ 1920-х гг.) [Бакланова, Ржига]. Описывая предметный мир русского интерьера, как правило, обходят стороной его ранний период (известное исследование развития искусства интерьера с 1700 г. по 1840-е гг. Л. В. Тыдмана [Тыдман], работа Ю. А. Тихонова [Тихонов]). Исключение представляет опыт по копированию «в материале» интерьеров дворца в Коломенском, предпринятый в 2010-х гг. [Беляев, Панова], который показал, что эксперименты по реконструкции могут не только усилить эмоциональное восприятие интерьера, но и продвинуть его научное изучение.

Вернемся к вышеперечисленным описям, которые различаются между собой полнотой описания. Несмотря на некоторые отличия, общая информация, полученная из всех документов, позволяет судить о дворцовом интерьере и его типовых помещениях. Этому способствовала принятая унификация текста, так как подьячие, обычно составлявшие описи, использовали в качестве образца готовые

[2] В первую очередь, это иллюстрации к запискам иностранцев: Олеария и Мейерберга. У последнего имеется рисунок И. Р. Стоуна «Прием посланников римского императора Леопольда I русским царем Алексеем Михайловичем 24 апреля 1662 года». См.: [Альбом Мейерберга].

описи предшествующих лет, по которым и составляли новые. Обычно (а в дворцовых приказах всегда) это были опытные люди: они учились составлять описи на практике, у профессиональных подьячих или в своей профессиональной сфере (для учета денежной казны привлекали выходцев из купеческой среды, а для учета хозяйственных ресурсов — посадских)[3].

Из сравнения описаний ясно, что типичные помещения дворцов, как парадные, так и служебные, отличало сходство убранства. Наиболее стандартна обстановка сеней, в них представлен «минимальный интерьерный набор» XVII в. — слюдяные окончины, обитые сукном двери, лавки с опушками, иногда столы или занавеси на окнах, стены, обитые тканью или расписанные.

Сопоставление дворцовых помещениий XVII в. дает возможность синтезировать общие представления о наполнении помещений различного назначения, от парадных до служебных; и позволяет выявить наиболее часто встречающиеся типы предметов (или элементов). Такими элементами в первую очередь становятся даже не мебель и не предметы декоративного убранства, а то, без чего не обходится практически ни одно помещение: окна, двери, стены, пол и потолок. Частота упоминаний этих элементов в текстах описей позволяет создать их словесное описание, включающее мелкую фурнитуру, виды декора и материалы. В своем монументальном труде «Домашний быт русского народа» И. Е. Забелин при анализе источников пользуется именно этим принципом, разделяя предметы на группы.

Очень редко удается «проиллюстрировать» описи подлинными предметами, происходящими из конкретных дворцов и сохранившимися в музейных собраниях. К ним относятся знаковые, нерядовые вещи, имеющие атрибуцию не только по месту принадлежности, но и по персоналиям, например, трон царя Бориса Годунова, который, начиная с венчания Михаила Федоровича на царство, на протяжении нескольких столетий использовался в церемониях возведения на престол российских государей в Кремле [Венчания на царство..., ч. 1, с. 68].

Сюда можно отнести предметы интерьера и утварь, полученные московскими царями в дар от иностранных посольств, которые по причине ценности и редкости после вручения дара отправляли в царскую сокровищницу и использовали по назначению в исключительных случаях. Уникальной стала атрибуция парсуны патриарха Никона. Созданная мастерами Оружейной палаты в 1680-х гг. (вероятно, вскоре после смерти Никона в 1681 г.), она с конца 1680-х гг. принадлежала князю В. В. Голицыну, что подтверждает опись его дворца [Исследование и реставрация парсуны...]. По некоторым сведениям, из Коломенского дворца происходит лишь несколько таких предметов, в том числе деисус, стул, обитый кожей, слюдяная оконница, жиковины. Эти предметы хранятся в собрании МГОМЗ [Суздалев] и вызывают постоянный интерес исследователей, в том числе и своим происхождением. Так, центральный образ деисуса «Спас Эммануил на престоле с припадающими свв. Артемоном и Евдокией» стал темой публикации И. Л. Бусевой-Давыдовой, пересмотревшей бытовавшую ранее версию о написании образа специально для вклада в царский дворец и датировку, которая была

[3] Благодарю А. В. Топычканова за консультацию по этому вопросу. Прим. автора.

связана с событиями жизни заказчика иконы Артамона Сергеевича Матвеева [Бусева-Давыдова].

Этот небольшой ряд пересекается с более широким кругом аналогов, дающих типологическую основу для дворцовых интерьеров при сравнении с дворцовыми описями. Среди них мебель (традиционная, привозная, заказанная местным мастерам по европейским образцам и т. п.), сохранившаяся в музеях в небольших количествах до наших дней, которая зачастую требует уточнения атрибуции [Баранова, 2020]. Напомним, что нехватка мебели наблюдается в дворцовом быту и в XVIII в. [Соболев, с. 291–293]. В середине XIX в. при реконструкции дворцовых интерьеров палат Романовых столкнулись с острой нехваткой мебели XVII в. [Соболев], и не только. Не случайно в эти годы остро осознается потребность в исследовании и фиксации предметов царского круга, издаются подготовленные Ф. Г. Солнцевым «Древности Россійскаго государства» [Древности Российского государства].

Группа аналогов очень важна, так как вещественные памятники позволяют подтвердить те положения и выводы, которые можно сделать на основе анализа письменных источников. Такие произведения приобретают черты аутентичности в отношении исследуемого периода, и их нахождение в интерьерах может быть обосновано. При работе с группой источников, объединенных этим признаком, в первую очередь следует обращать внимание на датировку, на стилистическое соответствие предмета и интерьера, на его социокультурный фон.

Для успешной визуализации интерьера очень важна точная привязка предмета и памятника. Часто она обеспечена археологически, ведь находки на территории дворцов имеют прямое отношение к убранству помещений, упоминаемых в описях. Так, в Коломенском находки слюдяных оконниц, металлической фурнитуры дверей и окон дворца и более всего печных изразцов стали одним из главных источников реконструкции [Беляев, Кренке, 1993, 2005; Баранова, 2007, 2011].

Таким образом, предложенный подход позволяет охарактеризовать многое в интерьере: деревянные полы, двери, подоконные доски и потолочные карнизы с резьбой; окна; печи; декоративные ткани (обивка, ковры, завесы); осветительные приборы (паникадила, шенданы, подсвечники); мебель (лавки, скамьи, кресла, стулья, столы, шкафы и поставцы); орнаментальную и сюжетную живопись: «травное» и «бытийное» письмо; иконы.

Работа по созданию таких виртуальных инвентарей важна не только для изучения дворцовых интерьеров указанного периода, но и для развития источниковедения, практики музейного дела, а также для общей истории культуры. Поиски документальных и вещевых источников, разработки методологических аспектов источниковедческого, искусствоведческого, культурологического анализов предметно-пространственной среды русского дворцового интерьера XVII в. позволят обрисовать особенности быта русской аристократии, соотнести статусный, демонстративный интерьер с бытовым, глубже понять своеобразие культуры переходного периода — от Московского царства к Российской империи европейского типа.

Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века. СПб., 1903.

Бакланова Н. А. Обстановка Московских приказов в XVII в. // Труды ГИМ. М., 1926. Вып. 3. С. 53–100.

Баранова С. И. К вопросу о реконструкции печей Коломенского дворца // Коломенское : материалы и исслед. М., 2007. Вып. 10. С. 118–134.

Баранова С. И. Русские печи и камины в изобразительном искусстве // Коломенское : материалы и исслед. М., 2008. Вып. 11. С. 129–138.

Баранова С. И. Изразцы из Коломенского дворца: трансформации художественных импульсов // Коломенское : материалы и исслед. М., 2011. Вып. 13. С. 197–215.

Баранова С. И. Описи И. Ф. Мичурина как источник изучения материальной культуры XVI–XVII вв.: деревянный дворец и церкви села Коломенское // Российская археология. 2018. № 3. С. 169–176.

Баранова С. И. Из опыта создания древнерусских дворцовых интерьеров: мебель // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда: Вестн. МГХПА / Моск. гос. худож.-пром. акад. им. С. Г. Строганова. М., 2020. № 2, ч. 1. С. 34–51.

Беляев Л. А. Позднее Средневековье и начало Нового времени в России: рождение историко-археологической версии // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVII вв. М., 2016. С. 6–11.

Беляев Л. А., Баранова С. И. Археология о дворце XVII века в Коломенском: обзор источников // Краткие сообщ. Ин-та археологии. М., 2020. Вып. 260. С. 355–367.

Беляев Л. А., Кренке Н. А. Археологические исследования дворца царя Алексея Михайловича // Коломенское : материалы и исслед. Вып. 4 / под общ. ред. В. Е. Суздалева. М., 1993. С. 72–113.

Беляев Л. А., Кренке Н. А. Деревянный дворец конца XVII в. в Коломенском: опыт археологической локализации // Российская археология. 2005. № 4. С. 176–188.

Беляев Л. А., Панова Т. Р. Дворец царя Алексея Михайловича XVII века : историко-художественная реконструкция. М., 2011.

Бусева-Давыдова И. Л. «Школа Оружейной палаты» и старообрядческая иконопись: к постановке проблемы // Коломенское : материалы и исслед. М., 2011. Вып. 13. С. 255–271.

Венчания на царство и коронации в Московском Кремле. Ч. 1 : XVI–XVII вв. : каталог выставки. М., 2013.

Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению государя императора Николая I : в 6 отд. и доп. к отд. III. М., 1849–1853.

Забелин И. Е. Домашний быт русских царей и цариц в XVI и XVII столетиях. М., 2003.

Исследования и реставрация парсуны патриарха Никона // Труды ГИМ. М., 2006. Вып. 157.

Маралов Е. А. Алексеевский дворец на р. Пехорке. Период светлейшего князя А. Д. Меншикова // Архитектурное наследство. М., 2006. Вып. 46. С. 150–158.

Материалы для истории, археологии и статистики московских церквей, собранные из книг и дел прежде бывших патриарших приказов В. И. и Г. И. Холмогоровыми при руководстве И. Е. Забелина. М., 1884. Т. 1.

Опись Московской Оружейной палаты : в 7 ч. (10 вып.) + Атлас рисунков (500 л. ил.). М., 1884–1893.

Рабинович М. Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988.

Ржига В. Ф. Очерки из истории быта домонгольской Руси // Труды ГИМ. М., 1929. Вып. 5.

Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1893. Т. 4.

Смирнова Т. Н. Усадьба Богородское (Черная Грязь) в XVII в.: структура хозяйственного и жилого комплексов // Коломенское : материалы и исслед. М., 2007. Вып.10. С. 57–66.

Соболев Н. Н. Русская народная резьба по дереву. М. ; Л., 1934.

Суздалев В. Е. Русское чудо. Царский дворец в Коломенском — шедевр русского деревянного зодчества второй половины XVII — первой четверти XVIII века. М., 2005.

Тихонов Ю. А. Мир вещей в московских и петербургских домах сановного дворянства: (по новым источникам первой половины XVIII в.). М., 2008.

Топычканов А. В. Повседневная жизнь дворцового села Измайлова в документах приказной избы последней четверти XVII века. М., 2004.

Тыдман Л. В. Изба, дом, дворец. М., 2000.

Хелли Р. Стоимость строительных материалов в Московском государстве XVII в. // Культура средневековой Москвы: XVII век. М., 1999. С. 233–248.

Список сокращений

ГИМ — Государственный исторический музей
МГОМЗ — Московский государственный объединенный музей-заповедник
РГАДА — Российский государственный архив древних актов

Статья поступила в редакцию 19.03.2021 г.